

Её звали свирелью

Так уж случилось, что я родилась крысой. Да-да, из тех самых, что живут в мусорных ящиках или в старых сырых подвалах. Хорошо ли это – трудно сказать. Мне не приходилось бывать кем-то другим. А будь у меня выбор – ну, стала бы пауком, имела бы 8 ног и покрывала все своей серебристой паутиной. Только потом всю жизнь перебирать – может, надо было стать грифом, или человеком, или, вообще, деревом. Ну уж нет, лучше сразу данность – и без лишних сомнений. Да и какая, в сущности, разница как будут выглядеть мои уши, и будет ли хвост, если собственно моё «Я» останется тем же.

К тому же, что такого плохого в крысином существовании?

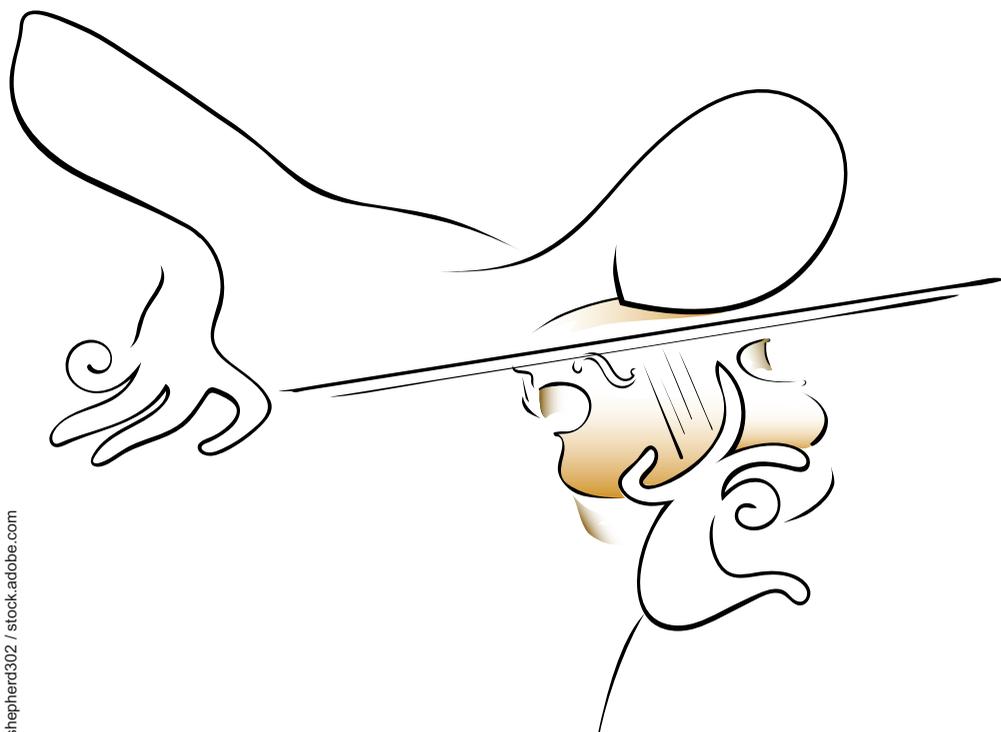
Коты? Почему же, они грациозные создания. Да, быть может, окончу жизнь в желудке одного из таких, но только с равным успехом можно попасть под машину или, не дай Бог, зачахнуть от тоски. И существует ли разница как именно ты погиб, раз уже не живешь?

Грязь? Так она везде есть. Без неё мир бы казался ужасно пластмассовым и симметричным. Вот насколько скучнее разглядывать ровную чистую плитку в сравнении со старой слегка надтреснутой, местами покрытой пятнами. Сколько бесчисленных образов и ассоциаций эти отклонения и трещины рождают в нашем мозге...

Нет денег? Ага, куда без них, люди всегда удивительно быстро замечают среди прочего хлама эти смятые цветастые бумажки. А толку? Хотя не моего крысиного ума это дело. Так что лучше расскажу Вам историю.

Жила в нашем городке, вон в том, что в 2 км от этой мусорки, Девочка. Две смешные ассиметричные косички, глаза в поллица и поношенное платье в горошек. Так и летала она по всем улочкам, пока не открыл у нас музыкальный магазин один очень педантичный Иностранец. Много у него было диковинных инструментов: неуклюжие контрабасы и тоненькие скрипочки, роскошные золотые саксофоны, гордые арфы,

shepherd302 / stock.adobe.com

строгие и важные рояли, чудаковатые гитары и без числа других инструментов. Часами она разглядывала их сквозь окна витрин, даже когда огни фонарей гасли, и двери магазина закрывались для посетителей. Но больше всех ей понравилась свирель.

Никому не говорила она о ней, только больше не увидеть было её покупающей себе мороженое или леденцы. Лишь где-то под подушкой в небольшой кожаный мешочек складывалась необходимая сумма в 320 р. А в редкие часы её можно было застать под деревом с веточкой, изображающую свою игру на свирели.

И вот, когда долгожданный день наступил, полная надежд и мечтаний о уже своей свирели, Девочка направилась в лавку. Залетев на крыльцо, слегка притормозив у двери и сделав глубокий вдох, она вошла внутрь. Подошла к нужной полке, затаив дыхание, коснулась свирели, взяла в руки, повернула – и тут на глаза попала новая бирка.

– Но... – Девочка осунулась и выпустила свирель из рук.

Владелец с негодованием подошел и подобрал инструмент, но взглянув на растерянное лицо и ценник, оставшийся в руке, лишь произнёс:

– Ничего не могу поделать. Курс растёт.

– Но, может..., – с лёгкой надеждой переспросила она.

– Сожалею, ровно 8 долларов, – забрав и ещё раз осмотрев бумажку, произнёс иностранец.

– Ладно, возьму её позже, – подчеркнуто деловым тоном, но с отчетливым комом в горле, ответила Девочка и, развернувшись на каблуках, вышла на улицу.

Долго ещё она следила за изменениями курса, продолжая собирать на свою мечту. И неизвестно, сколько бы ещё длилась эта гонка, если бы их семья внезапно не уехала из городка насовсем...

Печально, что тут ещё можно добавить, итак история слишком длинна для типичного жителя свалки. Но есть и другая, ради которой я и затеяла всю эту причуду с писательством.

Началось она, Вы не поверите, прямо здесь – на мусорке, в один из тех самых пасмурных дней, когда, по обыкновению, на душе скребут кошки, и не хочется делать абсолютно ничего.

... Появился он внезапно, весь всклокоченный, с горящими глазами и безладовой гитарой. Взобрался на какой-то поломанный диван, возвышающийся на горе хлама, взял в руки гитару и, подняв глаза к небу, стал играть.

Никогда прежде не слышала я хоть сколько-нибудь подобного звука. Для него не существовало барьеров, он проникал прямо

в сердце и изменял мир вокруг. Каждая из, казалось бы, ненужных вещей, разбросанных в округе, обретала смысл. Разломы, трещины, потертости завораживали сложностью форм, и в каждом предмете открывалась его бесконечность. Невозможно было отделить звуки от вещей, вещи от живых существ. Все пульсировало единой мелодией, но оставалось в созерцании, будто вся шелуха привычных ярлыков была сброшена, и предметы представляли в своей первичной сущности.

Не разобрать был ли это миг или целая вечность. Но затем все стихло и оборвалось, мир снова надел маску, и двери захлопнулись. Лишь музыкант все еще сидел, направив взор ввысь, а на лице его блуждала улыбка.

Так неподвижно он просидел до самого утра, а с рассветом поднялся и отправился в город.

Обычно меня мало интересуют люди, но его поведение не вписывалось в привычные категории, и мое любопытство толкнуло меня следом за ним. Он прошел несколько переулков и вошел в дверь музыкального магазина. Чтоб увидеть хоть что-то, пришлось пробираться через подвал, после чего застала только окончание разговора.

Продавец протянул музыканту небольшую продолговатую коробочку:

– Решительно не понимаю, как вы умудрились оставить её вчера. Хотя все дело в гитаре, она вышла действительно прекрасной, очень жаль расставаться с ней – но Вам я могу доверить её.

Гитарист же, напротив, был молчалив и отделялся лишь кивками головы. Казалось, он не хотел глушить мелодию внутри себя. Забрав потерю, он в последний раз благодарно кивнул и вышел, направившись к почте. Там он аккуратно завернул коробочку в посылочную бумагу и, закрепив открытку с надписью «Спасибо за жизнь!», отправил заказной посылкой некой мисс Смитт. После чего купил на вокзале обратный билет в город Н. Только через наш скромный городок редко ходят поезда, так что у него еще было порядка 3 дней до отъезда.

За это время он успел стать самой обговариваемой личностью в городке. Нет, он не дебоширил и не шумел. Напротив, вел себя предельно скромно, редко появлялся на улицах, лишь иногда бродил, казалось бы, бесцельно по ним или бывал в ресторане, где отправлялся в самый тихий угол и заказывал бокал одного выдержанного сухого вина, по

designer_en / stockadobe.com

праву считавшегося гордостью этого заведения. А каждую ночь он непременно возвращался обратно на мусорку, вместе со своей гитарой, и играл. Было это также шикарно, как и в тот первый, столь поразивший меня, раз. К последнему вечеру уже практически половина городка сидела в округе, погружившись в чудесный мир звука. Так и не назвав своего имени, он уехал, оставив за собой плеяду загадок и домыслов.

Но не хочется вас утомлять этим безумным потоком измышлений, потому лучше расскажу инсталляцию того, что удалось собрать позже.

Меня мало интересовало, кем были его родители, но детство его отнюдь не отличалось бедностью. У него были репетиторы по иностранному языку и музыке. Особенно близок был ему Гитарист – молодой, талантливый музыкант, отличающийся независимым и слегка бунтарским характером. Мальчик буквально боготворил своего учителя, с особым энтузиазмом и старанием относился ко всем заданиям, всегда высоко ценил его даже самые незначительные фразы. Так что ничего удивительного, что и сам Гитарист глубоко привязался к своему ученику. Но время шло и толи влияние родителей, толи собственные рассуждения толкнули его на путь банкира. Поначалу он просто считал банковское образование формальностью. Но живой ум с интересом впитывал в себя экономические идеи и структуры. А с первыми заработками и разговарившимся азартом – мечта захватить биржевый рынок глубоко засела в нём. Благодаря своей тонкой интуиции он безошибочно угадывал движение курсов, что, в итоге, дало ему возможность заработать неплохой капитал. Большие суммы вскружили ему голову, он стал безразличен к окружающим и забросил занятия музыкой. Его забавляли построения сложных многоходовых комбинаций, в сравнении

с которыми, все чужие проблемы казались слишком неинтересными и даже отвлекающими от по настоящему важных дел.

Но в один осенний день его судьба круто изменилась. Тогда он направлялся на одну из очередную из встреч с компаньоном, однако услышав совершенно непривычный уху риф, свернул на соседнюю улочку. В первый момент ему казалось, что он бредит. Впереди отчётливо виднелась стройка, но звук, доносившийся оттуда, совсем не походил на строительный шум. Это была грандиозная Симфония разрушения. Каждый звук, каждое падение балки, разбивающееся стекло, обрушение опор, даже гул кранов и проезжающих мимо машин - всё вписывал Гитарист в ткань своей микротоновой композиции. Гармония была совершенно не стандартной, тут практически не было нот привычного строя, однако сочетание было настолько волшебным, что он буквально застыл перед мощью этого произведения. А Гитарист, не переставая играть, стал приближаться. Его лицо казалось до боли знакомым, но Мелодия становилась все отчетливей и яростней, от гулкого крещендо стало веять безумием, а с финальным Аккордом музыкант разбил гитару о голову банкира...

В этот момент Вселенная будто взорвалась и не осталось ничего, кроме того последнего звука, захлестнувшего разум океаном. Все оказалось таким мелким и несущественным под волнами этого прилива...

А затем он затих. Остался один только песок, бескрайний и серый. Вокруг веяло какой-то безысходностью...

Внезапный толчок вывел его из оцепенения

– Дядя, дядя, не переживайте Вы так из-за неё. Вот, возьмите. Я все равно уезжаю. Соберёте себе на новую гитару, – понимающе улыбнулась и протянула ему кожаный мешочек совершенно незнакомая девочка.

– Хм, спасибо... – единственное, что удалось выдавать из себя, лихорадочно пытаясь осознать окружающую его обстановку. Да, рядом, действительно, было разрушенное здание, и обломки гитары разбросаны во круг...

Склонив голову набок, девочка внимательно наблюдала за движениями странного незнакомца, но через минуту, услышав окрик:

– Мисс Смит, Вы где? – вприпрыжку направилась за угол.

– Нет, я решительно ничего не понимаю. Это просто не может быть реальностью. Мир не настолько абсурден...

И будто в ответ, его снова застал тот самый звук. Хотя это уже не был последний аккорд, новая, еще более непривычная гармония, но понять ее строй, было совершенно нереально. К тому же на этот раз мелодия резко оборвалась...

– Да уж, – вымолвил он и направился домой.

Следующие несколько дней он безуспешно пытался вернуться к обыденной жизни, вот только привычные действия теперь казались абсолютно бессмысленными. Работать было просто невозможно, это не говоря уже, о внезапно случавшихся музыкальных приступах, во время которых он начисто отключался от внешнего мира, зато слышал фрагменты мелодий, той необычной гармонии. В попытке утихомирить своё состояние, он купил себе гитару – сначала одну, затем другую, но они не могли воспроизвести те самые звуки. После он обошел все музыкальные магазины города, но и это не помогло. Затем он стал искать мастеров, отправлял заказы в разные части света... Но не то, всё было не то! Балансируя на грани отчаяния, в исступлении, он уже сам начал пробовать изготовить гитару, но получившийся звук был настолько ужасен, что свою месячную работу он разбил об пол вдребезги... Сидя на полу возле обломков гитары, он внезапно вспомнил про незнакомую девочку и решил заглянуть в тот мешочек.

– Хм, какая ирония... Кажется, я меньше всех сейчас нуждаюсь в этой бумаге, а она отдала их мне. Но затем он заметил еще сложенный втрое листик с удивительно проработанным рисунком свирели, а на боковой стороне скопирована подпись мастера-изготовителя.

– Я уже слышал о нём.

– Постой, кажется припоминаю, у меня даже адрес его был...

Разыскав свою старую тетрадь по музыке, он нашёл адрес, и на следующий день отправился по нему. Там обнаружилось, что тот мастер недавно переехал.

Вот так и оказался музыкант в своём родном городке. А что случилось дальше, Вы и сами знаете...

Апрель 2016 г.

Раиса Довлета Бабаджан